

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

изображения некоторых чрезвычайно редких сасанидских монет. Следовало упомянуть в библиографическом списке также и такие работы, в которых даются наиценнейшие нумизматические сведения, хотя они и не составляют их главного содержания: Marquart, Beiträge zur Geschichte und Sage v. Ērān (ZDMG, 49), его же Ērānšahr, Berlin, 1901, Drouin, Monnaies des Grands Kouchans (Revue Numism. 1896), Dorn, Über die Geographie Persiens (Mél. as. VI). и др.

Настоящая рецензия была написана мною в начале 1924 г. В том же году вышел большой труд Рагуч'а, Sasanian coins. Bombay, 1924, в который, между прочим, вошел и рецензуемый мною библиографический очерк. Я надеюсь дать отзыв об этом большом труде Рагуч'а в ближайшем будущем.

Р. Фасмер.

20. Gustav Haloun. Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt, von —. Erster Teil. Leipzig, MCMXXVI. Im Verlag der Asia Major. VII + 207 pp. in 8°.

Только что вышедшая книга является первой частью трехтомного исследования, по китайским источникам, о датировке первых достоверных сведений относительно появления в Средней Азии индо-европейских народностей. Лучшим подходом к этой цели автор считает посильное выяснение сложного вопроса о Тохарах. С тех пор как китайские источники дают возможность впервые получить некоторое представление о государствах и племенах Восточного Туркестана, с Тохарами отождествлялись различные народы, подозреваемые в принадлежности к индо-европейской группе, между прочим, народ Ta-hia 大夏 и косвенно также и Yueh-chi 月氏. Проверку этих сближений автор считает наиболее подходящим введением в крайне запутанные до сих пор взаимоотношения ранне-китайских и западных сведений; она необходима в виду того, что за исключением безусловно правильного уравнения 塞 (Seh) = śaka все предлагаемые отождествления приходится пока считать сомнительными. Только когда окончательно выяснится, какие из народов Восточного Туркестана, которые во II столетии до нашей эры под натиском Гуннов отхлынули на запад, должны считаться индо-европейскими, только тогда можно будет попытаться проникнуть в более древние периоды.

Самыми древними непосредственными сведениями являются китайские, — местные начинаются значительно позже, — но и они уже с III столетия до н. э. в смысле исторической достоверности отказываются служить, поэтому автор ставит себе задачей привлечь и использовать также китайское пре-

дание, надеясь при помощи добываемого этим путем материала поближе подойти к решению намеченной задачи.

Настоящая первая часть труда посвящена критическому разбору сведений о Т'а-hia, встречающихся в китайской литературе до 126 г. до н. э. т. е. до экспедиции на запад Chang-K'ien'a (Чжан-цзян). Автор относится отрицательно к уравнению Т'а-hia = Tochari, впервые выставленному Kingsmill'ом, потом установленному Marquart'ом (Erānšahr), и принятому проф. О. Franke, который пытался распространять его также на Т'а-hia китайских текстов, предшествующих 126 году. Сомнения у автора вызывает одинаково отождествление Sieg'a, принятое Franke, Sten Konow и другими: *Yueh-chi* = *Asiani*¹ (reges Thogarogum) = *Ārsi*. Этому последнему вопросу и вопросу об этническом месте народа *Wu-sun* будет посвящен второй том работы, причем предполагается сопоставление и отчасти новый перевод соответствующих китайских источников. Первые два тома не что иное, как prolegomena к третьему, в котором автор предполагает осветить передвижения окраинных племен на севере и северо-западе Китая с конца IX-го по VII столетия до н. э. и роль занимаемую в этих передвижениях индоевропейцами, надвинувшимися до пределов Кан-су. Автор не сомневается, что удастся заставить заговорить китайский материал при условии, правда, если Восточный Туркестан не считать входящим в область *Urheimat* индоевропейцев. В третьем томе будет затронут также вопрос о возможности того, что толчок, приведший в XIII—XII столетиях до н. э. к завоеванию северного Китая народом Chou, исходил от индоевропейских племен.

В Festschrift по случаю 75-летия Friedrich Hirth'a (*Ostasiat. Zeitschrift, Jahrg. 8, Berlin, 1920*) помещен ряд статей по тохарскому вопросу, которые, каждая в отдельности, чрезвычайно интересны, однако в совокупности показывают, что этот крайне сложный и запутанный вопрос еще очень далек от окончательного решения.² В статье *Das alte Ta-hia der Chinesen* проф. Franke, основываясь на многочисленных китайских источниках, приходит к выводу, что еще в XII столетии до н. э. народ Ta-hia = Тохары (старое произношение по Franke *Ta-ha*) китайцам был известен, а предания о нем восходят к периоду за более чем 1000 лет до этого времени (стр. 117, 118, 130, 134). Страна Ta-hia для китайцев являлась не одним только географическим понятием, а реальной величиною, с которой, пишет Franke, их связывали политические, экономические и культурные отношения. После

---

¹ У Трога Помпея = "Ἀσιῶν Страбона.

² Feist, *Der gegenwärtige Stand des Tocharerproblems* (стр. 74—84); Franke, *Das alte Ta-hia der Chinesen* (стр. 117—136); Sten Konow, *Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen* (стр. 220—237)

прекращения этих отношений, воспоминания о них, хотя в расплывчатом виде, у китайцев сохранились. Установить связь Та-hia, живших в XII стол. до н. э. в северо-западном Кан-су и на юго-восточной окраине Гоби с Та-hia Чжан-цзяна цель работы Franke. Он не считает заслуживающими доверия толкования китайских комментаторов, определенно проводящих различие между Та-hia — областью в пределах Китая и Та-hia — тохарами или бактрийцами, а также не разделяет в этом вопросе мнения Chavannes, следующего за китайцами. Коренная мысль построения исследования Franke, говорит автор, сводится к тому, чтобы где бы ни встречался комплекс знаков 大夏 видеть в нем одну единицу.¹

Принимая гипотезу Marquart'a о переселении в Бактрию народа Та-hia = Τόχαροι из восточного Туркестана, Franke распространяет ныне многими признанное, но, по мнению автора, отнюдь не доказанное уравнение «младшие» Та-hia = Τόχαροι, также на «старых» Та-hia в Кан-су. Автор не оспаривает методологическую допустимость рабочей гипотезы Franke, однако просит при чтении его книги не считать эту гипотезу за непоколебимый факт. Он пользуется богатейшим материалом источников, на стр. 95 графически представленных в их взаимной зависимости и филиации; для их обозначения использованы все буквы алфавита. Они обнимают период времени от 500 до н. э. до эпохи позднейших Хан (нач. III ст. н. э.). Дело синологов проверить предлагаемые, отчасти исправленные, отчасти новые переводы. На стр. 192—202 автор дает сводку результатов своих исследований. Я ограничусь в сущности краткой передачей этой части, ссылаясь на текст исследования лишь в тех случаях, когда сводка мне показалась недостаточно полной или не вполне ясной, что случалось нередко. Вообще надо признать, что книга принадлежит к числу не легко читаемых, не только, кажется мне, для не-синологов; однако, ввиду широко поставленных вопросов, она заслуживает внимания не только китаеведов, а всех, интересующихся проблемами истории Средней Азии.

Изложение достигнутых результатов автор разбивает на следующие 8 пунктов:

1) Из неоднократно переведенного, но до сих пор неудовлетворительно толкованного пассажа книги Tso-chuan Chao, датированной 541 г. до н. э. и также из параллельного текста позднейшего Shi-ki (ок. 100 до н. э.), компиляции Семасяна, явствует, что 大夏 есть название области, стоящей под покровительством зодиакального знака Shih-ch'en, т. е. название тогдашнего окраинного владения Tsin, ядро которого представляет нынешний

---

¹ Такой категорической редакции я у Franke не мог найти, ср. о. с. стр. 129.

юго-западный Shan-si. Ta-hia несомненно чисто китайское название, и возводит его к транскрипции имени инородческого народа, как этого желает Franke, в этой коренной древне-китайской области недопустимо. Комментарии дают право связывать географический термин T'a-hia со столицей древней династии Hia, царствовавшей во втором тысячелетии до н. э. С языковой стороны толкование T'a-hia или вернее T'ai-hia как «Великий Hia» вполне законно. Доводы для подтверждения такого взгляда, как и вообще многое в книге, направлены против Franke, который хотя также не отрицал возможности такого толкования, но относится весьма скептически к комментаторам и их «столь же неожиданному как и смелому утверждению», что «область, где когда-то правила династия Hia, есть Ta-hia» или другими словами: «потому что два знака передающие Ta-hia могут означать и «великий Hia», по этому Ta-hia должен быть местопребыванием (der Sitz) династии Hia». Franke объясняет такое толкование тем, что комментаторы II и III стол. до н. эры «имели лишь весьма отдаленные представления о народе Ta-hia на дальнем западе, не узнавали в этом комплексе знаков транскрипцию чужого имени, а считали его за китайское, «переводили» его, т. е. восприняли его по смыслу, а не по звуку».¹

2) В подтверждение того, что Ta-hia не представляет нераздельного комплекса, а состоит из Hia предшествуемого прилагательным t'ai «большой, великий», приводится по примеру Franke название династического танца, встречаемое также в виде hia-yoh, kiu-hia или просто hia. Отношение танца hia к династии того же названия (приводится 15 источников) автор считал пока только вероятным (bis auf weiteres glaubhaft), между тем как Franke не допуская сомнения в такой связи, для танца и также для особого рода музыкального мотива опять таки выдвигает тохарское происхождение.²

3) Подтверждаются, против Franke, сведения источников с III по I столетие до н. эры о тождестве области T'ai-hia с юго-западным Shan-si, гласящие, что великий Yü, основатель династии Hia, прорытием горы Lung-men установил сообщение с T'ai-hia. Franke толкует это предание в благоприятном для его теории смысле, а именно так, что Yü урегулированием верхнего течения Hoang-ho открыл доступ в страну дальнего запада.

4) Критический анализ той группы текстов, которые дают сведения о походах князя Хуана Тс'ийского, специально о его походе на запад, на Ta-hia, чрезвычайно ценен и занимает сравнительно большое место в книге, свыше 60 страниц. Этот отдел автору особенно близок, как соприкасающийся

¹ Festschr. Hirth, p. 129.

² Ibid. стр. 133; ср. стр. 118, 119.

с его исследованием *Contributions to the settlement of Ancient clans (Asia Major I)* и с его занятиями военной историей Китая. На стр. 189 автор дает графическую родословную главных версий «формулы походов» Хуана. Все они восходят к одному архетипу, к романическому «житию князя Хуана Тс'ийского, относящемуся к периоду до 500 г. до н. э.; их всего 17. Повествуется в них о походе князя Хуана (685—643 до н. э.) на запад, на Ta-hia и на страны «текучих песков». Но оказывается, что текст Кюи-уй, записанный около 400 г. до н. э., имеет не Ta-hia, а просто Hia. На основании этого текста и некоторых других, главным образом современной Хуану хроники области Лу, автор приходит к выводу, что, во первых, князь Хуан безусловно представитель северо-восточной китайской державы, а не западной и, во вторых, что Hia здесь = Tsin, и речь идет о походе его на Тсин, который можно в точности приурочить к январю 650 г. до н. эры. Ta-hia вместо Hia = Tsin а также «безсмысленное для старого периода» упоминание «текучих песков» не что иное как позднейшие поправки, внесенные под влиянием возникшего после экспедиции Чжан-цзяна уравнивания Ta-hia = Бактрия. На основании того, что в позднейших текстах знак 大 стоит вместо 泰 автор делает вывод, что он и фонетически ему соответствует, что и тот и другой должны читаться t'ai, а не t'a, и что он, как мы уже отметили, не образует одного нераздельного комплекса с следующим 夏, а представляет прилагательное со значением «большой, великий» (ср. стр.108). В восходящую к псевдо-Кван-тзе группу текстов вкралось искажение первоначального предания, относимое автором приблизительно к 300 г. до н. эры, которое впоследствии приобрело большое значение, а именно, сдвиг области T'sin-hia < T'ai-hia с запада, где она до сих пор помещалась, на север.

5) С той-же группой текстов связано дальнейшее искажение первоначальных представлений. Северная область T'ai-hia превращается в северный народ T'ai-hia. Реально неуловимая область или народ становится мифическим, каким-то сказочным народом на окраинах обитаемого мира и появляется как таковой в перечнях «мировых углов»; в более позднее время, во второй половине 2 столетия до н. эры даже рядом с такими народами как «однорукие», «длинноногие», «вывернутые пятки» и тому подобные.

6) Во II веке до н. эры происходит дальнейший сдвиг, на этот раз в обратном смысле, т. е. с севера на запад, под прямым влиянием, полагает автор, предания о «походах князя Хуан'а». Оставаясь одной из мифических окраинных областей, T'ai-hia переносится на крайний запад. Незадолго до экспедиции Chang-Kien'a географическое понятие T'ai-hia находится в полном разложении; оно приурочивается к астральной среде и встречается

в одной и той-же серии с полярной звездой, мировой горою (Kun-lun), «красной водою» (мировая река) и проч.

7) Географическое положение горы Kun-lun весьма неясно. На нем помещается девятисложный город богов и трехсложный рай, от него берут начало 4 мировых реки, из которых только одна все время была реальна, а именно (Hoang-) Ho. Conrady (Indischer Einfluss in China im 4 Jahrh., ZDMG, LX p. 344) видит в нем дубликат индийского Мегу (ср. стр. 163). Преобладает представление, помещающее его на западной окраине обитаемого мира. Впоследствии устанавливается географическая фикция о реке Тариме, как о верхнем течении Но, и таким образом Kun-lun перемещается в область Тарима (стр. 168).

8) В противоположность Franke, считающему книгу Chou-shu, существовавшую «повидимому еще до Конфуция»¹, за подлинную хронику Чоуской династии, автор усматривает в ней компиляцию хотя бы большею частью старую (ок. 400 до н. э.). Интересующий нас отдел, описывающий съезд князей, созванный Чоуским царем Ch'eng'ом, распадается на 3 части. Третья часть, где перечисляются страны и народы приносящие дань, среди которых и Ta-hia, до сих пор считалась самой старою; Franke (стр. 130) относит съезд данников к 1100 г. до н. э., и как раз в этой 3-ей части автор открыл позднейшую интерполяцию, ибо здесь T'ai-hia, — и это Franke совершенно упустил из виду — упоминается в ближайшем соседстве с представителями Yüeh-chi и с So-kü; последнее значит Ярканд. Вывод автора: эта часть ни в каком случае не может быть старше чем 126 г. до н. эры, т. е. чем поход Chang-kien'a (стр. 115); так как город Ярканд не был и не мог быть известным китайцам раньше. Другой текст считавшийся раньше старым, Shan-hai-king, где среди стран «по ту сторону текучих песков» упоминается Ta-hia = Бактрия, по новейшим исследованиям Maenchen-Helfen'a восходит всего к началу III-го века до нашей эры (стр. 146).

Вот вкратце итоги автора: проследить географический термин 大夏 дальше первой половины первого тысячелетия до н. э. не удается. Имя это, чисто китайское, восходит к имени древней династии Hia и является в первую очередь названием культовым. Большое количество источников дает возможность проследить постепенное развитие содержания этого термина вплоть до двадцатых годов II-го века до н. эры. Ни в одном месте не оказалось необходимым прибегнуть к реально существующему чужому народу, в качестве виновника видоизменений значения этого областного китайского названия, в какой бы то ни было стадии его содержания. Относительно урав-

---

¹ Festschr. Hirth. p. 117.

нения Чжан-цзяна T'a-hia = Бактрия гораздо проще допускать, что он воображал открыть в этой стране хорошо ему известный по преданию мифический окраинный народ и поэтому ее назвал T'a-hia, чем полагать, что он этими двумя знаками хотел передать единственно только (durchaus nur) название обитавшего в Бактрии, народа западными формами имени которого являются: Τόχαιοι, Tochari, Tukhāra, Tuṣara, Тохгї и т. д., тем более что с этими формами фактически плохо вяжутся формы, к которым восходит нынешнее T'a-hia, а именно D'ái-γa, T'ái-γa < D'ád-g'a, T'ád-g'a. Здесь, как и неоднократно раньше, мне кажется, на лицо некоторая легкая перекладка. Franke (l. c. p. 125) констатирует, что Chang-kien, попавши к подвластному Yueh-chi народу, назвал его хорошо ему известными, как старое имя, знаками Ta-hia — Ta-ha, и дальше он пишет: ясно, что эти звуки должны были передать чужое имя (Es ist klar, dass diese Laute einen fremden Namen wiedergeben sollten...). Однако он отнюдь не отрицает, что эти знаки могут означать «великий Hia», ни что китайские источники помимо Ta-hia на Аму-дарье знают такое, помещаемое то в Shan-si, то в Kan-su. Только это последнее он, на основании свидетельства Сюн-дзяна, считает возможным отождествить со «старым Ta-hia», помещаемым на границе Китая с Хотаном.

Во втором томе своего труда автор, не претендуя на окончательное выяснение этих сложных вопросов истории Средней Азии, предполагает показать, что и с вещественной точки зрения уравнение Ta-hia = Тохары не безупречно.

Книга G. Haloun'a производит впечатление очень солидной работы, предпринятой во всеоружии современной синологии. Текст разделен на 120 параграфов, но мне кажется, что на этот раз такое разделение не особенно способствует наглядности изложения. Автор, может быть, и сам это чувствовал, и поэтому посвятил сводке изложения § 121, обнимающий 9 страниц, и сверх того сводке сводки § 122, на одной странице с небольшим, причем в отдельные пункты сводки входят иногда пространственно разрозненные параграфы текста, напр. пункт 5: §§ 72—82, 86, 115 или п. 8: §§ 75, 92. Иногда поражает некоторый полемический задор, без которого, на наш взгляд, можно было бы обойтись не в ущерб заслугам работы. С другой стороны, книга Haloun'a лишней раз свидетельствует о том как два ученых, работая на том же или почти на том же материале, могут придти иногда к диаметрально противоположным выводам.

Ф. Розенберг.